

бы, конечно, неосторожным возводить песню о Михаиле Черкашенине непосредственно к предполагаемой песне XIII в. Но текст из «Сборника Кириши Данилова» указывает на одну из тех возможных сюжетных форм, в какую могла бы вылиться в народной поэзии история о драматической судьбе Евпраксии. Причем форма эта вовсе не исключает такого трагического финала, какой дан в «Повести».

М. Е. Халанский приводит некоторые параллели из эпоса других народов. Однако параллели эти, на наш взгляд, малоубедительны. В сербской песне «Царь Лазарь и царица Милица» Милица ждет вестей от своего мужа, отправившегося в поход. Царский слуга Милутин привозит известие о гибели Лазаря, и Милица выражает свою скорбь. В армянском сказании о Давиде Сасунском жена его, Хандут-Ханум, узнав о смерти Давида, поднимается на вершину башни и бросается оттуда вниз. С камнем, о который разбилась Хандум-Ханум, связаны с тех пор воспоминания и даже некоторые обрядовые действия.¹⁴

Для решения вопроса о происхождении рассматриваемого эпизода и об отношении его к фольклору важное значение имеет то обстоятельство, что эпизод этот, хотя и кажется вставкой, перебивающей рассказ о нашествии Батыея, сюжетно связан с циклом повестей о Николае Зараском, частью которого является «Повесть о разорении Рязани». История жизни князя Федора составляет одну из важных тем цикла. В первой повести, которая открывает цикл и в которой рассказывается о перенесении Евстафием чудотворного образа Николы из города Корсуни в Рязанскую землю, Федор назван как князь, «во область» которого «принесен бысть чудотворный образ». Когда Евстафий достигает Рязанской земли, Никола во сне «явился благоверному князю Федору Юрьевичу Рязанскому и поведа ему приход чудотворного своего образа корсуньскаго» и велел ему идти навстречу образу, обещая, что будет молить Христа: «да подарует ти венець царствия небеснаго, и жене твоей, и сынови твоему». Федор исполнил повеление Николы. Через некоторое время он женился, «и поят супругу от царьска рода именем Еупраксею. И помале и сына роди именем Иоана Посника». Далее эта первая повесть кратко сообщает о гибели Федора, его жены и сына при нашествии Батыея на Рязань, а затем — о похоронах их останков. «И от сея вины да зовется великий чудотворець Николае Зараский, яко благовернаа княгиня Еупраксеа с сыном князем Иваном сама себя зарази» (стр. 282—287).

Перед нами — эпизоды типичной средневековой легенды о перенесении образа святого, о чудесах, сопровождающих путешествие иконы, об избранных хранителях ее, принявших мученическую смерть, о происхождении названия города. Князь Федор — один из героев этой легенды, которая складывалась, вероятно, в Зараске.

Характерно, что в первой повести, где преобладают религиозно-благочестивые мотивы, обстоятельства смерти Федора не излагаются, зато о смерти Евпраксии говорится почти столь же подробно, как и в повести о разорении Рязани, что связано, конечно, с необходимостью объяснить происхождение названия Зараска.

То обстоятельство, что история гибели Федора и его жены оказалась включенной в легенду, проливает некоторый свет на ее художественную природу. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с местным народным преданием. Именно предание, связанное с определенными историческими лицами, приуроченное к конкретным событиям, получившее четкую локализацию, легче всего могло быть использовано в легенде.

¹⁴ М. Е. Халанский, стр. 81—84.